

Глава 19

МОНГОЛИЯ: ПЛАЦДАРМ ВСЕМИРНОЙ МОНАРХИИ ИЛИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Гражданская война, полыхавшая на необъятных российских просторах, весной 1921 г. докатилась до диких степей Монголии. Огромное феодальное государство было лакомым куском для большевистской власти, а «призрак коммунизма» и мировой революции, казалось, стал осязаемым для кремлевских руководителей. Несмотря на то что масштабы сражений и численность противоборствующих сторон значительно уступали таковым на Урале, в Сибири и Забайкалье, здешними, небольшими, по европейским меркам, воинскими соединениями командовали весьма колоритные личности. Регулярной 5-й Красной армии и войскам Дальневосточной республики противостояла так называемая Азиатская дивизия под командованием Романа Федоровича Унгерна-Штернберга — немецкого барона, русского генерала и монгольского князя. Бок о бок с красноармейскими частями сражались конные монгольские отряды, руководимые Сухэ-Батором — военным министром и главкомом Монгольского революционного правительства.

УНГЕРН

Род Унгернов-Штернбергов вел свою родословную с XIII в. Баронское достоинство они получили из рук шведской королевы в XVII столетии, а к концу XIX представители семейства расселились по всей Прибалтике. Теодор-

Рудольф Унгерн-Штернберг, отец будущего генерала, несмотря на свои воинственные рыцарские корни, занимался вполне мирным делом — имел степень доктора философии, жил в Петербурге и подвизался при Министерстве государственных имуществ. 29 декабря 1885 г. в его семье появился на свет первый и единственный ребенок — сын Роберт. Супруги тогда путешествовали по Европе, и местом рождения мальчика стал австрийский город Грац. Через пять лет родители Роберта развелись, и он остался с матерью. В 1894 г. София-Шарлотта вторично вышла замуж за барона Йерваканта, от которого родила еще одного сына и дочь.

Дом отчима в Ревеле Роберт считал родным (как и сводных брата с сестрой). Некоторое время он посещал ревельскую Николаевскую гимназию, но был исключен из-за «плохого прилежания и многочисленных школьных проступков». Мальчика решили отдать в петербургский Морской корпус, но стать военным моряком ему помешала война с Японией. Роберт самовольно уехал в Маньчжурию и определился рядовым в пехотный полк. Правда, под огнем ему побывать не пришлось: к тому времени, когда часть попала на фронт, война уже закончилась. Вернувшись в столицу, юноша поступил в Павловское пехотное училище.

В 1908 г. молодого Унгерна произвели в офицеры, но не в подпоручики, а в хорунжий Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Второразрядное Забайкалье он выбрал, поддавшись слухам о приближении новой войны с японцами. Именно там барон поменял свое немецкое имя на славянское — Роман Федорович. Однако в части Унгерн не задержался. После пьяной драки на саблях по приговору офицерского суда ему было предложено покинуть армию. Положение спас родственник, служивший в Генштабе. Высочайшим указом забияку перевели в Амурский полк. Из Даурии он переехал в Благовещенск, но гарнизонная служба ему быстро наскучила, и в 1911 г. барон отпросился в отпуск к родителям в Ревель.

Здесь из газет он узнал, что в далекой Халхе, или Внешней Монголии, началось восстание против китайского владычества. В столице края Урге на престол взошел «живой Будда» — Богдо-гэгэн. Китайская династия Цинь пала, но новое правительство не желало смириться с утратой северной провинции: началась война за независимость. Вернувшись на Дальний Восток, Унгерн попросил отправить его к монголам инструктором. В прошении отказали, и тогда он подал в отставку. Не дождавшись ответа, барон отправился в Кобдо (северо-запад Халхи) «в поисках смелых подвигов». Совершить их он надеялся в отряде партизана Джа-ламы. Но Монголия удовлетворилась автономией, и война быстро затухла. Роману Федоровичу пришлось устраиваться внештатником в гарнизон Верхнеудинска.

Первая мировая война застала его в Ревеле. Вместе со 2-й армией Самсонова Унгерн совершил поход в Восточную Пруссию и буквально чудом избежал плена. Некоторое время он служил в Нерчинском полку под началом другого прибалтийского барона — П. Н. Врангеля.

Воевал Роман Федорович отважно, но его строптивый характер отнюдь не способствовал успехам в карьере. К концу войны он дослужился всего лишь до есаула. После Февральской революции Унгерн съездил домой в отпуск, затем поучаствовал в корниловском мятеже и наконец присоединился к формируемому его другом атаманом Семеновым монголо-бурятскому «регimentу».

После Октябрьской революции Семенов устроил собственное государство со столицей в Чите. Своему другу он выделил «феодальное княжество» — станцию Даурию. Здесь Роман Федорович создал Азиатскую дивизию, первоначально состоявшую из монгольских и бурятских всадников. В дальнейших планах Семенова стояло объединение с Монголией и уничтожение большевиков при помощи «наследников Чингисхана». Правда, планы повисли в воздухе, после того как в Халху вошли войска китайского генерала Сюй-Шучена, а Богдо-гэгэн подписал отречение от престола. Тогда же Роман Федорович вступил

в политически выгодный брак с маньчжурской принцессой, которую, впрочем, он почти сразу же отослал к родителям. Исходя из этого, некоторые современники называли его гомосексуалистом, однако, судя по всему, мужчины интересовали его не больше, чем женщины. Единственными страстями барона были войны, политика и собственное честолюбие.

Ни Семенов, ни Унгерн фактически не помогали Колчаку в его борьбе с красными. В сущности, в 1918—1919 гг. их единственными противниками были небольшие партизанские отряды, а также местные крестьяне, жестоко наказываемые по любому подозрению в большевизме. Однако к лету 1920 г. Красная армия вплотную приблизилась к Чите и Даурии. В этой ситуации Роман Федорович решил все-таки попытаться создать новую Монгольскую империю.

Азиатская дивизия перешла границу с Халхой и подступила к пригороду Урги — Маймачену. Город занимала многотысячная, прекрасно вооруженная и экипированная китайская армия, а под началом Унгерна было всего несколько сотен измученных и полуголодных всадников, одна пушка и минимальный запас патронов. После неудачного боя барон отступил к берегам Керулена и здесь получил поддержку со стороны монгольских князей, провозгласивших его своим предводителем.

И все же, несмотря на пополнения, численность Азиатской дивизии по-прежнему не превышала 2 тыс. Китайцы же обладали десятикратным перевесом и мощной артиллерией. Однако Сюй-Шучэн допустил политическую ошибку, арестовав «живого Будду» Богдо-гэгена. Население Урги было возмущено, китайских солдат охватил суеверный ужас.

Роман Федорович вновь подошел к Урге и развернул своеобразную психологическую войну. В город вместе с лазутчиками поплыла всякого рода дезинформация, ламы запугивали солдат всевозможными карами. Последней каплей стало похищение Богдо-Гэгена, спланированное Унгерном: заговорщики, переодевшись ламами (монаха-

ми), проникли в Зеленый дворец и похитили «хутухту» вместе с супругой. Нападение было столь неожиданным, что китайская охрана почти не оказала сопротивления.

Смятение гарнизона вылилось в бегство кавалерийского корпуса Го Сунмина, а 2 февраля унгерновцами был взят пригород Маймачен. Тем временем основная часть китайской армии покинула Ургу, и столица была занята практически бескровно.

Подобно полководцам древности Чингисхану или Тамерлану, Унгерн отдал город на разграбление своим войскам. «Разоренные китайские лавки зияли разбитыми дверьми и окнами, трупы китайцев лежали вперемешку с обезглавленными, замученными евреями», — писал очевидец. Офицеры Азиатской дивизии были возведены в ранг монгольских чиновников, а сам барон, помимо титула цынвана (т. е. князя 1-й степени), получил прозвище «Возродивший государство Великий батор». 26 февраля 1921 г. тысячи монголов из самых отдаленных кочевий съехались в столицу на коронацию Богдо-гэгена. Этот день стал полным триумфом для «бога войны» — Унгерна. Однако впереди у него уже маячили новые цели — реставрация монархии на Востоке и в России.

Тем временем отступивший из Урги китайский генерал Чу-Лицзян решил отбить город обратно. Близ уртона Цаган-Цэген разыгралось крупнейшее и почти не замеченное историками сражение. Пятитысячная дивизия Унгерна разбила превосходящие силы противника, чему, в первую очередь способствовали распри среди китайских военачальников. Последняя крупная битва этой неизвестной войны произошла возле местечка Чойры, вблизи китайской границы. Пехота «гаминов» была вырезана поголовно, кавалерия же успела уйти в Китай. Унгерну достались огромные трофеи.

Либерал Милюков назвал четырехмесячное пребывание барона в Урге самой удручающей страницей в истории Белого движения. Режим, установленный Унгерном в монгольской столице, очень напоминал даурский период его деятельности: палочная дисциплина, насильные мобилиза-

ции местного населения, террор белых отрядов за пределами города. Все нововведения — создание национального банка, чеканка монеты, возобновление добычи угля и т. д. — подчинялись главной цели: снабжению Азиатской дивизии. Благие намерения Унгерна становились тяжким бременем для истощенной смутой нищей страны. Что касается Богдо-гэгена, то он превратился в чисто декоративную фигуру и в государственные дела фактически не вмешивался.

В Советской России тем временем вовсе не забыли об Унгерне и уже готовили для него неприятные сюрпризы. В марте 1921 г. в Кяхте было образовано Монгольское революционное правительство. Красные цэрики постепенно расползались по северу и западу Халхи, а их численность постоянно возрастала. И все же Унгерн не верил, что большевики решатся на прямую интервенцию, а цэриков Сухэ-Батора вообще не считал за противников.

Между тем в Урге население все более тяготилось постоем Азиатской дивизии и режимом «бешеного барона». Унгерн, учитывая положение дел, попытался установить контакт с Богдо-гэгеном и занять при нем пост главнокомандующего, но «живой Будда», понимая, что звезда барона клонится к закату, не ответил на письмо своего спасителя, вернувшего ему трон и свободу. В войсках появились первые признаки разложения: мародерство, грабежи, дезертирство. Поправить положение могла лишь победоносная война, но с кем? Ответ пришел с письмом атамана Семенова, в котором тот сообщал, что в мае при поддержке японцев он открывает широкомасштабные действия против Советской России. Унгерн ухватился за это предложение как за спасительную соломинку.

21 мая Азиатская дивизия, оставив Ургу, двинулась на север. Численность ее войск определялась в 3300 сабель, вооруженных двумя десятками пулеметов и восьмью орудиями. Экипировка была отвратительной — отсутствовали радиостанции, полевые телефоны, походные кухни и даже котлы.

Белым противостояли силы 5-й Красной армии, насчитывавшие 8 тыс. бойцов, 24 орудия, 150 пулеметов и не-

сколько сотен цэриков Сухэ-Батора. Имелись также конные партизанские отряды и пехотная бригада войск Дальневосточной республики. В конце мая перешедшие границу передовые отряды Азиатской дивизии были наголову разбиты и отброшены обратно в Монголию. Под Кяхтой красномонгольские части Сухэ-Батора нанесли поражение отряду Бояр-гуна. Унгерн, подойдя с главными силами, штурмовать город не стал. Трехдневное непонятное бездействие белых предопределило их поражение. Пехота Неймана, конница Щетинкина и бригада Глазкова, подтянувшись к Кяхте, заманили Азиатскую дивизию в сопки. В узком дефиле конница Унгерна не смогла развернуться и, обстреливаемая артиллерией и пулеметным огнем, неся огромные потери, ударилась в бегство. Успев переправиться через реку Иро до подхода преследовавшей красной кавалерии, остатки дивизии спаслись от окончательного разгрома.

В июле Нейман и Сухэ-Батор торжественно вступили в Ургу, а «Живой Будда» с готовностью признал власть революционного правительства. Переформировав свою дивизию, барон принял решение вновь двинуться на север. Отчасти его побудили к этому слухи о начале наступления японцев в Забайкалье. Захватив Гусиноозерский монастырь, Унгерн жестоко расправился с пленными и двинулся дальше. Его целью было перерезать движение по Транссибирской магистрали. Однако от перебежчиков и крестьян он узнал, что в Забайкалье нет ни Семенова, ни японцев. Тогда Унгерн приказал повернуть на юг и, искусно лавируя между охватывающими его крупными частями красных, прорвался обратно в Монголию.

Но степи Халхи уже горели под его ногами. В Урге крепко сидели красные; китайцы, памятуя о недавней войне, тоже встретили бы его с оружием. Наконец, отход на Запад Монголии был чреват полным окружением. И тогда Роман Федорович решил уйти в Тибет и поступить на службу к Далай-ламе. Идея подобной экспедиции в глазах измученных предыдущими переходами солдат представлялась безумной. Среди офицеров дивизии созрел за-

говор, и в ночь на 21 августа они обстреляли палатку барона. При первых же выстрелах Унгерн успел выскочить и спрятаться в кустах. Он попытался укрыться в монгольской части своего войска, но некогда боготворившие его азиаты скрутили «цын-вана» и передали бойцам красного командира Щетинкина.

На этом похождения Романа Федоровича закончились. Барона переправили сначала в Иркутск, а оттуда в Ново-николаевск, где и состоялся судебный процесс. Унгерн даже не пытался отрицать зверства, в которых его обвиняли, и свой приговор встретил абсолютно спокойно. Казнили барона в тот же день, 15 сентября 1921 г.

СУХЭ-БАТОР

2 февраля 1893 г. в семье Дамдина и Ханд родился третий сын. Выбрать имя младенцу помог случай. Отец, заготавливавший дрова на берегу реки Улиастай, нашел там топор (по монгольски — «сух»). Это посчитали за добрый знак, и мальчик был назван Сухэ-Батором. Его детские годы прошли среди ургинской городской бедноты. В 1907 г. Дамдин отдал сына к местному учителю Жамьяну, который обучил его письму, чтению и началам арифметики. Но знакомство с наукой продолжалось недолго: по достижении 16 лет юноша ушел на заработки. Некоторое время он работал уртонщиком на тракте Урга — Кяхта, затем занимался разноской продуктов с рынка, заготавливал дрова в горах, косил сено.

В конце 1911 г. Внешняя Монголия стала независимым государством. Маньчжурское правительство было свергнуто, и 30 декабря состоялась церемония восшествия на трон Богдо-гэгена, свидетелями которой были и Сухэ-Батор с отцом. Новое правительство Халхи объявило о призыве на военную службу по тысяче солдат с каждого поселка. Вступив в армию, Сухэ-Батор сначала был истопником, затем денщиком, а в 1914 г. отправился в только что открытую в Худжирбулане школу по подготовке младших командиров. Молодой цэрик ранее других овладел

основами тактики, блестяще ездил верхом, успешно сдал все спортивные «нормативы» и вообще был на виду у начальства, которое через год назначило его командиром пулеметной роты.

Сухэ-Батор участвовал в охране восточных и юго-восточных границ Монголии, громил со своим отрядом местных бандитов и за девять лет беспорочной службы завоевал некоторую известность у соотечественников. В 1914 г. он возглавил восстание в Худжирбуланском гарнизоне. Поводом к выступлению стало протухшее мясо, которым «реакционное» начальство пыталось накормить солдат. Военному министерству в Урге был предъявлен протест. Чиновники заменили продукты на качественные, но устроили суд над главными зачинщиками и смутьянами. Подоспевший Сухэ-Батор с товарищами сумели отбить однопольчан. Так состоялось его первое революционное крещение.

В 1918 г. в Урге открылась государственная типография, и Сухэ-Батор как один из немногих грамотных командиров был направлен туда в качестве наборщика. В Монголии было неспокойно. Китайские милитаристы надеялись на реванш и стремились лишить Халху ее автономного статуса. Пылкая молодежь, к которой относился и Сухэ-Батор, организовала в центре Урги (Зунхурене) подпольный кружок. Другая аналогичная организация появилась на окраине города, в Консульском поселке, по инициативе Х. Чойболсана. Будучи в политике «сущими младенцами», эти монгольские патриоты искренне стремились к одной цели — независимости своей Родины.

В ноябре 1919 г. армия китайского генерала Сюй-Шучена перешла границу Монголии и вступила в Ургу. Под угрозой штыков монгольские министры без сопротивления подписали документ о добровольной ликвидации автономии. Богдо-гэген отрекся от престола, печати министерств были сданы китайским чиновникам, прератили работу многие учреждения, а вскоре оказалась распущенной и монгольская армия. Сухэ-Батор был демобилизован и переехал с женой и сыном в Ургу к родственникам.

На одном из заседаний созданного им кружка было решено достать оружие и организовать покушение на Суй-Шучена. Оружие закупили, однако из-за взрыва на пороховом складе генерал отказался от поездки в Кяхту, и акция провалилась. Кружковцам осталось лишь выпускать и расклеивать листовки, собирать сведения о китайских войсках, о политике лам и князей и налаживать контакты с русскими колонистами. Общение с последними привело Сухэ-Батора к мысли о поездке в Россию. Но попытка в феврале 1920 г. перейти границу была неудачной — китайцы прилежно охраняла северные рубежи Халхи.

К этому времени Красная армия разбила Колчака и вступила в Сибирь. В апреле была создана Дальневосточная республика. Сибирское бюро ЦК РКП(б) организовало в Иркутске секцию восточных народов, представители которой наладили связи с ургинскими кружками. Под их влиянием 25 июня 1920 г. была образована Монгольская народная партия.

Чойболсан и Данзан повезли в Россию свой главный программный документ — «присягу партийцев». В июле делегаты добрались до Верхнеудинска, и там к ним присоединился их старый знакомый Сухэ-Батор. В его сумке хранилась еще более важная бумага — скрепленная личной печатью Богдо-гэгена просьба к России оказать помощь в борьбе с гаминами.

Встретившись в Иркутске с одним из представителей большевиков Ф. И. Гапоном, монголы обговорили условия получения оружия, боеприпасов и денежного кредита. Советская сторона заявила о готовности своего правительства оказать любую помощь монгольскому народу в его борьбе за национальное освобождение. Часть делегатов вернулась на родину, а Сухэ-Батор остался в Иркутске изучать организацию и боевой опыт Красной армии. Здесь осенью 1920 г. его и застала весть о вторжении в Халху Азиатской дивизии.

Появление Унгерна заставило бывшего пулеметчика непонятно от чьего имени обратиться в Москву с предложением ввести части Красной армии в Монголию для раз-

грома общего врага. Разумеется, такое своевременное предложение Кремль просто не мог не поддержать.

Сухэ-Батор вернулся в Халху и в районе Кяхты собрал собственное небольшое войско. Именно сюда и отошла часть разгромленных Унгерном китайцев. 20 февраля 1921 г. отряд Сухэ-Батора вступил в бой и одержал свою первую победу над гаминами. Затем последовало еще несколько стычек с китайцами, в ходе которых бывший командир пулеметного взвода приобрел репутацию полководца.

1 марта 1921 г. в Троицкосавске открылся 1-й съезд Монгольской Народной партии. Здесь было образовано Временное народное правительство во главе с Бодо — бывшим руководителем школы переводчиков при русском консульстве. Сухэ-Батор в этом правительстве занял должности начальника штаба и главнокомандующего. Вошли в него и «почти доросший до коммуниста» Чойболсан, а также несколько «прогрессивных князей». На самом деле легитимность и представительность этого правительства были весьма невысокими, а вся реальная политика делалась в Москве и в Иркутске. Что касается сидевших в Урге Богдо-гэгена и его «цын-вана», то они поначалу даже не обратили на происходящее особого внимания.

Одной из первых задач Сухэ-Батора как главнокомандующего стало освобождение Кяхты. Его стараниями Народная армия выросла количественно и качественно и по монгольским меркам уже представляла собой реальную силу. Четыре полка были выдвинуты к Кяхте и предъявили ультиматум китайскому главнокомандующему. Затем начался штурм, в ходе которого, несмотря на численный перевес и превосходство в вооружении, гамины оставили город. К ночи 16 марта красные цэрики заняли Кяхту. Враги попытались перегруппировать силы, но были наголову разбиты и отступили. Теперь, после поражения китайцев, на очереди у Сухэ-Батора стоял более опасный враг — Унгерн.

Из России бесперебойно шли поставки оружия и боеприпасов, а в мае в Монголию прибыл отряд бывшего партизанского командира Щетинкина. На помощь шли и другие

части (35-я дивизия Неймана, 35-й каваллерийский полк Рокоссовского). Однако Унгерн был еще ближе.

В конце мая — начале июня подразделения Азиатской дивизии были отбиты Щетинкиным и красными монголами Чойболсана в районах Желтуринской и Боссийского. Попытки белых прорваться к железной дороге по левому берегу Селенги также потерпели неудачу. Но решающие события разыгрывались именно у Кяхты, где сошлись «бешеный барон» и Сухэ-Батор.

Первые стычки между красными цэриками и унгерновцами произошли на реке Орхон и завершились небольшой перестрелкой. Затем к Кяхте подошла монгольская часть азиатской дивизии во главе с Баяр-гуном. Сухэ-Батор решил дать оборонительный бой и соответствующим образом расположил своих бойцов вокруг города. Битва началась 5 июня. Сначала в дело вступила артиллерия красных, а затем Сухэ-Батор повел своих цэриков в атаку. Баяр-гуна был разгромлен. Подоспевшие вскоре главные силы Унгерна восстановили было «статус кво», но 13 июня в дело вступили дивизия Неймана и отряд Щетинкина, которые и добились Азиатскую дивизию. Отрядам Сухэ-Батора оставалось лишь преследовать отступающего противника до реки Иро.

Победители двинулись в глубь Монголии, причем по мере их продвижения в Халхе начиналась своеобразная гражданская война в миниатюре. Баяр-гун и один из наиболее популярных местных полевых командиров Джалама твердо стояли за Унгерна. Зато к Сухэ-Батору примкнул самый известный и популярный полководец страны Магсаржав (по прозвищу Хатан-батор).

6 июля 1921 г. русские большевики и красные цэрики вступили в Ургу (которую вскоре переименовали в Улан-Батор). Власть «Живого Будды» была урезана, а все управление перешло к вновь сформированному Народному правительству Монголии. Сухэ-Батор получил пост военного министра, и под его руководством начала создаваться регулярная армия. Были введены обязательная воинская повинность и единая военная форма, открылись

училище по подготовке национальных кадров и больница для военнослужащих.

Что касается других членов правительства, то Чойболсан стал заместителем Сухэ-Батора, Бодо — премьер-министром и министром иностранных дел, Магсаржав — министром юстиции, Данзан — министром финансов, Пунцандорджа — министром внутренних дел. Все они принадлежали к разным социальным слоям, и довольно часто заседания правительства заканчивались склоками и даже драками. Фактически же все решали «советские товарищи», толкавшие средневековую Монголию прямым из феодализма к социализму. Правда, некоторые уступки местной специфике с их стороны все-таки делались: так, хотя и была провозглашена победа революции, монархия Богдо-гэгена временно сохранялась.

В сентябре 1921 г. в Россию направилась полномочная делегация, в состав которой входил и Сухэ-Батор. 26 октября в Москве начались переговоры, итогом которых стало подписание монголо-советского соглашения. Главнокомандующий как будто даже лично встречался с В. И. Лениным, и «вождь тепло с ним беседовал». Возглавляемой Сухэ-Батором Монгольской народной партии, ввиду ее явной «незрелости», хотя и не разрешили именоваться коммунистической, но все-таки позволили войти в Коминтерн на правах сочувствующей.

По возвращении в Монголию склоки в Народном правительстве вспыхнули с новой силой. Бодо объявили контрреволюционером и сначала сняли с поста премьера, затем расстреляли. Одновременно активизировались различные реакционные группировки, начиная от князей и кончая недобитыми полевыми командирами. Правда, используя «советский опыт», удалось устранить легендарного Джа-ламу. Прикинувшийся ламой, монгольский чекист внедрился в его окружение и успешно провел ликвидацию.

С единомышленниками Джа-ламы Сухэ-Батор расправился, проведя масштабные войсковые операции. Одновременно ему пришлось решать задачи по предотвраще-

нию возможной китайской агрессии и борьбе с «вредными элементами» внутри партии.

Зимой 1923 г., получив известие о подготовке японцами и белогвардейцами очередного заговора, главнокомандующий ввел в Улан-Баторе военное положение. Он лично регулярно объезжал столицу и во время одной из таких прогулок сильно простудился. Крепкий 30-летний мужчина сгорел в несколько дней и скончался 20 февраля 1923 г. Компетентные органы тут же выдвинули мысль об отравлении. Возможно, без яда дело действительно не обошлось. Однако, если Сухэ-Батора и отравили, то вовсе не за его приверженность марксизму. В сущности, и он сам, и его коллеги имели весьма смутное представление и о социализме, и о мировой революции.

Идя на союз с большевиками, все они преследовали одну цель — добиться независимости для своего «маленького и несчастного народа». Ну а дальше началась обычная азиатская борьба за власть, не имевшая к марксизму никакого отношения.

Русские же большевики использовали Монголию как трамплин для усиления своего влияния в Китае, а также как полигон для построения социализма на средневековой азиатской почве. Многочисленные религиозные предрассудки служили здесь серьезным препятствием, и тогда веру в «Живого Будду» решили вытеснить поклонением мертвому герою — Сухэ-Батору.

Версия о злодейски отравленном народном герое послужила основой для формирующейся легенды. В последующие годы жертвами органов стали все, кого так или иначе можно было обвинить в этом злодеянии. Правда, на Богдо-гэгена рука коммунистов так и не поднялась. В 1924 г. «хутухта», по крайней мере по официальной версии, умер своей смертью. Монголия превратилась в республику, а ее руководителем стал Чойболсан, присвоивший себе звание маршала. В сущности, он был своеобразным монгольским Сталиным, а Сухэ-Батору в тамошней истории отводилась роль Ленина — т. е. отца-основателя социалистической Монголии. В центре Улан-Батора ему

был сооружен мавзолей (по образцу ленинского), а в конце 1930-х гг. на экраны вышел талантливый, хотя и сильно приукрашенный биографический фильм «Его зовут Сухэ-Батор».

Канонизация его образа принесла свои плоды. В социалистической, да и в нынешней Монголии Сухэ-Батор действительно считается национальным героем. Впрочем, сегодня его соотечественники гораздо больше уважают другого героя, который служил кумиром и для барона Унгерна, — Чингисхана.

В течение первой четверти XX в. Монголия была своеобразным перекрестком интересов государств и отдельных личностей. Китай стремился вернуть утраченное господство, Советская Россия — установить пролетарскую гегемонию, а Япония уже тогда всерьез подумывала о мировом владычестве.

Пересечение всех этих интересов привело к любопытному парадоксу. Потомок немецких крестоносцев барон Унгерн пытался воссоздать древнюю империю Чингисхана, а коренной монгол Сухэ-Батор своей деятельностью способствовал триумфу социалистической идеологии, не имеющей к реалиям его родины практически никакого отношения.